
УДК 81'1(075)

ББК 81.006я73

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/4/143-148>

НОВАЯ ВЕРСИЯ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

(Рец. на кн.: *Козлова Л. А. Сопоставительная прагматика : речевые акты в этнокультурном ракурсе : учебное пособие. Барнаул : АлтГПУ, 2021. 176 с.)*

Л. И. Гришаева

Воронежский государственный университет

NEW VERSION OF THE THEORY OF LINGUISTIC PERSONA

(Review of *Kozlova L. A. Comparative pragmatics : speech acts in terms of ethnic culture : textbook. Barnaul : AltSPU, 2021. 176 p.)*

L. I. Grishaeva

Voronezh State University

Название публикации Л. А. Козловой настраивает читателя, взявшего в руки одно из последних изданий, подготовленных известным лингвистом, знатоком английского языка и опытейшим вузовским преподавателем, на получение сведений о том, как в разных языковых культурах выполняется то или иное речевое действие. Термин *этнокультурный* позволяет предположить, что читатель получит знание о том, какие языковые средства носители языка и культуры используют в коммуникации в различных культурных пространствах в сопоставляемых коммуникативных условиях. Не исключено, что читатель предположит, что автор книги объяснит, под влиянием каких факторов носители языка отдадут предпочтение одним языковым средствам и пренебрегут другими и т. д.

Подобные предположения заголовков вызовет у читателя потому, что перечисленная проблематика вот уже на протяжении многих десятилетий остается в фокусе исследовательского интереса не только для лингвистов, но и для гуманитариев иного толка, поскольку через осмысление закономерностей устройства и функционирования языка как средства познания и коммуникации можно получить доступ к познанию когнитивных способностей человека, к устройству социума, к законам мышления и – по большому счету и без особого преувеличения – к тайнам мироздания, как их осмысляет человек, вос-

принимая мир и взаимодействуя с окружающим их миром.

Ожидания читателей, настроившихся на анализ авторских трактовок предварительных условий, основного условия, условия пропозиционального содержания речевого акта, локуции, иллокуции и других параметров прагмалингвистического описания, ставших классическими, будут частично дезориентированы, так как автор, Любовь Александровна Козлова, интерпретируют свою исследовательскую задачу иначе.

Автор рецензируемого издания считает, что оно «посвящено описанию речевых актов, совокупность которых образует этностиль коммуникации, как этнокультурно-обусловленных когнитивных сценариев, в которых находят свое отражение основные культурные ценности лингвокультурного сообщества» (с. 2, аннотация). Данное обстоятельство в совокупности со стремлением автора «показать органическую взаимосвязь языка, культуры и коммуникации» (с. 2, аннотация) дает рецензенту право трактовать результат исследования Л. А. Козловой, который она именуется «этностиль коммуникации», как одну из версий теории языковой личности, а сопоставительную прагматику в понимании Л. А. Козловой – как одну из версий теории межкультурной коммуникации.

© Гришаева Л. И., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Попробуем разъяснить предлагаемую интерпретацию замысла автора анализируемого издания, как этот замысел осмыслил рецензент.

Книга состоит из четырех глав, предисловия (с. 3–5), заключения (с. 153–154) и традиционных для учебного издания списка использованной литературы (с. 155–167), списка источников цитируемых примеров (с. 167–169), а также глоссария (с. 170–173). Название глав предельно точно отражает их содержание; ср.: «Сопоставительная прагматика: объект, предмет, цели и задачи» (с. 6–33), «Культура как важнейший стилообразующий фактор. Коммуникативный этностиль как отражение специфики культуры» (с. 34–92), «Этнокультурная специфика наиболее частотных речевых актов» (с. 93–136), «Национально-культурная специфика невербального общения» (с. 137–152). Каждая глава завершается серией вопросов, акцентирующих информацию, которой, по мнению автора книги, студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся по направлению «Иностранный язык», «Лингвистика», «Зарубежная филология», должны владеть свободно.

Анализ структуры книги показывает, что ключевыми понятиями в концепции автора являются «культура», «этно стиль», «идентичность», «культурная специфика», «вербальные и невербальные средства общения». Глоссарий (с. 170–173) подкрепляет высказанную гипотезу рецензента, поскольку из 40 терминов, раскрываемых в названном разделе, 11 правомерно отнести непосредственно к прагмалингвистической области исследования (*адресант, адресат, вежливость, иллокуция, косвенный речевой акт, перлокуция* и др.), 16 – к теории межкультурной коммуникации (*этноцентризм, этнорелятивизм, культура, культурные модели, хронемика, проксемика, этнический стереотип, кинесика, бикультуральная личность* и др.), а остальные – к лингвистике как таковой (с предпочтением когнитивно-дискурсивных постулатов) (*инференция, фатическая функция, эксплицитность, эмпатия, вербальная коммуникация, билингвальная языковая личность* и др.).

Подобная трактовка теоретического фундамента рецензируемого исследования объясняется тем, как автор, Л. А. Козлова, определяет характерную особенность современной лингвистики, требующей интеграции различных подходов к исследованию языка в целях его «полного и всестороннего описания» с «учетом его различных функций» (с. 7). Внимание же к этничности обусловлено, по всей видимости, тем, что Л. А. Козлова разделяет представление о том, что «наша когниция этнически детерминирована, что находит свое отражение как

в семантике языковых единиц различных уровней, так и в коммуникации. Формирование сознания и когнитивное развитие личности формируется в определенных географических, климатических, экономических, политических, социальных и иных условиях, совокупность которых образует тот когнитивный и культурный контекст, в котором происходит формирование как отдельной личности, так и всего лингвокультурного сообщества» (с. 9).

Таким образом, читателю заведомо очевидной становится междисциплинарность концепции, предлагаемой публике автором книги, а основным объектом приложения исследовательских усилий являются особенности функционирования средств и способов объективации сведений в коммуникации в различных культурных пространствах.

В фокус своей концепции автор рецензируемого пособия, Л. А. Козлова, помещает носителя языка и культуры, использующего тем или иным образом, принятым в конкретном культурном пространстве, средства различных культурных кодов при решении им своих коммуникативных и когнитивных задач в некоторых условиях в определенной культурной среде, если сформулировать основную мысль Л. А. Козловой не ее языком. Ср. заключительные тезисы книги: «<...> речевые акты, совокупность которых образует этностиль коммуникации, представляют собой результат воплощения культурно-обусловленных дискурсивных сценариев, и в них находят свою манифестацию основные культурные ценности» (с. 153). Поэтому и цель обучения иностранному языку Л. А. Козлова трактует как умение «бесконфликтного общения с представителями других культур как в устной, так и в письменной форме, и формирование этой компетенции невозможно без наличия знаний об этнокультурных особенностях построения речевых актов» (с. 153). Условием успешной коммуникации в рецензируемой книге признается «развитие языковой и когнитивной эмпатии, т. е. способности поставить себя на место собеседника, представляющего другой язык и другую культуру, и попытаться взглянуть на мир его глазами, с позиций его культуры» (с. 154).

Тем самым очевидно, что обсуждаемую концепцию правомерно анализировать с учетом постулатов теории языковой личности, как эту теорию разработал в свое время Ю. Н. Караулов (хотя Л. А. Козлова не обращается к этой теории при формировании теоретического фундамента своего исследования). В понимании Ю. Н. Караулова языковая личность – это «некоторая доминанта, определяемая национально-культурными традициями и господствующей в

обществе идеологией» [1, с. 37]¹. В этой связи следует напомнить, что схематично языковая личность представлена у Ю. Н. Караулова как система окружностей с разными диаметрами, символически последовательно изображающими лексикон, грамматикон, прагматикон, семантикон, тезаурус личности, а также ассоциативно-семантическую сеть вместе с коммуникативной сетью. В этой схеме Ю. Н. Караулов представляет центральную ее часть вербализованной и окруженной невербализованной частью [Там же, с. 101].

Стремление Л. А. Козловой к последовательному сопоставлению речевых актов – в терминологии рецензента: способов и средств решения одной и той же коммуникативной и когнитивной задачи в разных культурных пространствах – правомерно сравнить с целеполаганием и постановкой задач в теории межкультурной коммуникации, как их сформулировали, например, Л. И. Гришаева и Л. В. Цурикова – формирование культурной сенситивности личности, т. е. чувствительности человека как носителя языка и культуры к культурно специфическим различиям как таковым, какой бы элемент культуры не имелся в виду [3, с. 12–15 и далее]. (См. детальное обоснование соответствующих рассуждений в [2, с. 536–619, особенно с. 567–568, 570, 575–576, 578, 586–588, 599–601].)² С этой точки зрения нельзя не проследить

¹ Следовательно, вполне правомерно видеть в концепции этностиля в понимании Л. А. Козловой одну из версий теории языковой личности. Кроме того, в свою очередь языковая личность, думается, в некотором смысле является аналогом/коррелятом так называемой базовой личности, которую описывают в социальной психологии. Базовая личность в этом контексте имеет определенную структуру личности с различными установками, тенденциями, чувствами, общими для всех членов общества, которые формируются под воздействием семейной, воспитательной, социальной среды. См. подробнее анализ теории языковой личности Ю. Н. Караулова, например, в [2, особенно с. 94, а также 449–501]. В упомянутом издании наряду с анализом отдельных версий теории языковой личности предлагается интерпретация языковой личности как когнитивно-дискурсивного инварианта. Последний складывается в языковой культуре в результате абстрагирования результатов функционирования языка как средства познания и коммуникации и реализуется столькими вариантами, сколько раз носители языка и культуры решают те или иные коммуникативные и когнитивные задачи в разнообразных условиях. Схему языковой личности как когнитивно-дискурсивного инварианта см. в [2, с. 496].

² Целесообразно в данном контексте обратить внимание на то, что понятие культурной сенситивности шире понятий «эностиль», «когнитивная эмпатия», «языковая эмпатия». Основной причиной является то, что культурную чувствительность/сенситивность к когнитивно и коммуникативно значимым различиям можно сформировать даже у тех носителей культуры, которые могут не испытывать эмпатии к другому человеку, или даже у того, кто привык сознательно манипулировать в неблагоприятных целях своим знанием о другом человеке. Вспомним в данном контексте, к примеру,

определенных зон пересечения проблемного поля сопоставительной прагматики (в трактовке Л. А. Козловой) и теории межкультурной коммуникации (по крайней мере, в версии Л. И. Гришаевой и Л. В. Цуриковой [6])³.

А теперь подробнее к отдельным тезисам обсуждаемой концепции.

Постановку проблемы своего исследования Л. А. Козлова начинает с напоминания позиции (в изложении Л. А. Козловой) М. Маклюэна, убежденного в том, что «естественным следствием <...> глобализации будет культурная интеграция, которая в конечном счете приведет к стиранию границ между разными культурами» (с. 3). Осознавая отсутствие тотальной глобализации в широком масштабе, Л. А. Козлова называет ряд факторов, препятствующих тотальной глобализации, и констатирует «стремление народов к сохранению своей культуры, традиций, особенностей быта, своих культурных ценностей, в целом – своей национальной идентичности» (с. 4). Поэтому автор рецензируемой книги видит свою задачу в том, чтобы выявить «особенности коммуникативного этностиля разных культур и учитывать их в процессе межкультурного общения» (с. 4).

При этом этностиль коммуникации автор понимает как «исторически сложившийся, предопределяемый культурой и закрепленный традицией тип коммуникативного поведения народа, проявляющий-

конструирование фейков и/или симулякров, а также особенности организации пранка и особенности реализации коммуникативных стратегий в пранкинге, флейминге и др. Любопытно сравнить трактовку эмпатии у Л. А. Козловой: «Эмпатия – воображаемое интеллектуальное и эмоциональное участие в опыте другого человека» (с. 172) – с трактовкой этого же понятия в Философском словаре: «способность представить себя на место другого человека и понять его чувства, желания, идеи и поступки» [4, с. 539], а также с дефиницией этого понятия в Большом психологическом словаре: «1. Когнитивная осведомленность и понимание эмоций другого человека» [5, с. 513]. Кроме того, прежде чем чему-то сопереживать, необходимо это просто заметить и определенным образом осмыслить, т. е. подвести под некоторую ментальную структуру. Это чрезвычайно сложно, так как носитель культуры в инокультурном пространстве замечает интегральные признаки некоторого объекта восприятия, но не воспринимает как таковые дифференциальные признаки этого объекта рецепции, а именно последовательности действий в интеракции, особенности актуально воспринимаемого события, процесса, обстановки и пр. (см. подробнее обсуждение и анализ экспериментальных данных в [6].) А при социальной перцепции разграничение интегральных и дифференциальных признаков объекта перцепции еще более затруднено. Поэтому в инокультурной среде у человека должны сложиться паттерны обработки воспринимаемых сведений, адекватные новой для человека культурной среде. См. соответствующие объяснения в [2, с. 99–179, 230–261, 416–535; 6].

³ Анализ сходства и различий в теоретическом фундаменте, целеполагании, постановке задач, категориальном аппарате названных теорий, очевидно, выходит за рамки рецензии.

ся в выборе и предпочтительности определенных средств коммуникации (вербальных и невербальных), используемых в процессе межличностного взаимодействия общения в различных речевых актах» (с. 173).

Такая интерпретация исследовательских задач побуждает автора книги определить сущность сопоставительной прагматики через отношение последней к прагматике, изучающей «отношения между знаком и пользователями, т. е. использование языка в актах речевого общения в аспекте общей теории языка» (с. 13): «сопоставительная прагматика изучает использование языка в актах межкультурного общения, с учетом особенностей этностиля коммуникации» (с. 13).

Объектом сопоставительной прагматики автор признает язык «как инструмент межкультурной коммуникации» (с. 13), а предметом – специфику «языковых единиц и этностиля коммуникации» (с. 13).

Поэтому цель сопоставительной прагматики Л. А. Козлова определяет следующим образом: «изучение языка в актах межкультурного общения, изучение национально-культурной специфики языка как инструмента коммуникации и особенностей этностилей коммуникации» (с. 13).

Первая глава структурируется следующим образом: «Объект, предмет и задачи сопоставительной прагматики» (с. 6–14), «Теория речевых актов как ядро прагматики» (с. 14–22), «Факторы, определяющие необходимость изучения речевых актов в этнокультурном ракурсе» (с. 23–32), «Вопросы к содержанию главы 1» (с. 33).

Во второй главе три раздела: «Культура и ее роль в формировании этностиля коммуникации» (с. 34–74), «Этностиль коммуникации как форма манифестации культуры» (с. 74–92), «Вопросы по содержанию главы 2» (с. 92).

Разделы «Категория вежливости и ее национально-культурная специфика» (с. 93–97), «Национально-культурная специфика речевых актов, реализующих стратегию сближения между участниками общения: приветствие, прощание, обращение, самопрезентация, извинение и благодарность» (с. 97–119), «Национально-культурная специфика речевых актов, реализующих стратегию дистанцирования между участниками общения: просьба, совет, приглашение, публичные директивы» (с. 120–135), «Вопросы по содержанию главы 3» (с. 136) раскрывают смысл концепции на данном этапе анализа.

Содержание четвертой главы обсуждается в разделах: «Определение и общая характеристика невербального общения» (с. 137–143), «Компоненты невербального общения и их национально-культурная специфика» (с. 143–152), «Вопросы по содержанию главы 4» (с. 152).

Перечисление структуры книги исчерпывающе раскрывает логику авторского видения проблематики, поэтому следует потенциальным пользователям труда Л. А. Козловой предоставить возможность вникнуть в детали концепции и отвечать на многочисленные вопросы, к постановке которых подводит читателя авторская манера изложения размышлений. Например, описывая речевые акты сближения, Л. А. Козлова не перегружает читателя специальной в теории речевых актов терминологией, а замечает, что они «направлены на минимизацию дистанции между общающимися <...>, на создание благоприятных условий общения» (с. 97). Приводя примеры приветствий между разными категориями коммуникантов в разных условиях и в разных культурных пространствах (в Британии, России, Корею, Китае, Древнем Египте и др.) (с. 97–98), автор подчеркивает наличие сходства и различий, обусловленных культурными ценностями (с. 97) и иллюстрирует свой тезис развернутыми примерами из разных источников (с. 97–100). Аналогичным образом автор поступает и по отношению к другим речевым актам, которые обсуждаются в главе 3.

Достаточно подробно (с. 143–152) автор останавливается на компонентах невербалики, распределяя совокупность разнородных средств на паралингвистические, язык тела, коммуникативные сигналы, продуцируемые контекстом (с. 143).

В целом можно отметить, что автор, обсуждая проблематику, заявленную в заголовках и подзаголовках глав и разделов книги, обращается не только к примерам, известным по соответствующим изданиям или художественным произведениям либо из актуальных медиаресурсов, но и к богатому и разнообразному личному опыту, направляя восприятие читателя на наиболее значимые в теоретическом отношении сведения. Автор не закрывает глаза и на несуразности, которыми столь богато взаимодействие между носителями разных культур. Л. А. Козлова уделяет внимание также зарождению новых тенденций в организации общения между носителями нашей культуры, находя убедительные для молодого поколения комментарии адекватности и/или неуместности соответствующих действий.

По понятным причинам Л. А. Козлова подробно останавливается на различных определениях культуры, предлагая многоаспектный анализ сущности данного феномена (с. 34–38) и детализируя ее основные характеристики (с. 39–40) и функции (с. 40–42). Предлагая сведения о разных типологиях культур, автор связывает отдельный тип культуры с ключевыми словами и концептами, а также с особенностями использования языка (с. 45–74).

В принципе можно и остановиться в изложении основного содержания книги, заметив, что читатель,

не имеющий предварительных знаний о теории речевых актов и теории межкультурной коммуникации, может получить через пособие Л. А. Козловой не только довольно определенное представление о названных комплексах теоретических сведений, но и весьма серьезно пополнить свою эрудицию в области исторического и литературоведческого знания и знания художественной литературы на английском языке.

В качестве очевидных особенностей авторского научного стиля можно отметить следующие характеристики.

Практически всем главам предпосылается эпиграф из классических художественных произведений на русском или английском языках либо из наиболее цитируемых научных изданий по обсуждаемой проблематике. Эпиграф настраивает читателя на основные мысли того или иного раздела и задает своего рода рамку восприятия обсуждаемых в главе проблем, а также обозначает ракурс осмысления проблематики на некотором этапе исследования, расставляет содержательные акценты, на которые может ориентироваться читатель при знакомстве с комплексом изучаемых проблем.

Вопросы по содержанию глав (во всех случаях в количестве шести) концентрируются вокруг ключевых позиций излагаемой в книге концепции, а их последовательность позволяет при ответе на соответствующие вопросы лаконично воспроизвести основные тезисы обсуждаемой теории. Формулировки соответствующих вопросов однозначны даже для понимания читателя, не обладающего достаточными сведениями для осмысления столь сложной проблематики, каковой являются исследуемые в книге проблемы, а также необходимым для свободного владения этими сведениями уровнем теоретической подготовки.

Книга довольно богато снабжена разнообразными примерами, которые наглядно иллюстрируют обсуждаемые в том или ином контексте вопросы. Иллюстрации разнообразны: это цитаты из прозаических и поэтических художественных произведений на русском и английском языках, примеры из личного для автора опыта официального, полуофициального, бытового межкультурного взаимодействия с носителями иной культуры, из устного и письменного общения, а также компьютерно-опосредованного взаимодействия. Комментарии прозрачны для реципиента книги, каковым являются студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся по разным направлениям (см. выше).

Книга базируется на первоисточниках, содержание которых либо излагается в лаконичной форме, либо приводятся цитаты в оригинале и в изложении и/или переводе на русский язык. Это позволяет автору дать представление своим читателям не только о

публикациях и проблемах, уже известных в отечественном научном сообществе, но и о вопросах, знакомых малому кругу исследователей либо еще не ставших активно обсуждаемыми в научных дискуссиях. Учитывая сказанное, следует обратить внимание на научную добросовестность автора и на его щепетильность при прямом и косвенном цитировании.

Впечатляет сам принцип отбора специальной литературы, цитируемой по мере анализа намеченного для дискуссии проблемного поля: это предельная корректность, уместность, обоснованность, содержательность и фундаментальность. Здесь и классики по отдельным лингвистическим теориям, здесь и предельно актуальные публикации. Источники оформлены в списке настолько корректно, что становится ясно, что соответствующие книги автор действительно держал в руках и тщательно проработал, что он выстраивает свою концепцию, что называется, «из первых рук». В списке нет публикаций, которые включаются в него «из вежливости» или же из-за пиетета перед научными авторитетами.

Язык книги ясный, корректный, доступный как для бакалавров, так и для магистров с разным уровнем лингвистической подготовки. Проблемы, отобранные для обсуждения, раскрываются в целом с достаточной для заявленного уровня подготовки глубиной. Автор не злоупотребляет дискусионностью при изучении тех или иных вопросов, концентрируя внимание свое и своих читателей на главных мыслях, лежащих в основе авторского видения этностиля. Свой выбор основополагающих концепций, составляющих фундамент авторского видения проблематики, и ракурса анализа проблемного поля автор обосновывает и более предметно раскрывает через комментарии к иллюстрациям тех или иных теоретических положений, а также акцентирует свою позицию через формулирование вопросов по содержанию всех четырех глав (см. выше).

Концепция внутренне логична, строго выдержана и, что естественно и вполне предсказуемо, может вызывать дискуссию на любом этапе развития концепции и по отдельным аспектам последней. Это, бесспорно, можно оценивать только как очевидное научное достоинство, поскольку проблематика книги весьма актуальна для всего научного лингвистического сообщества, дискуссионна, изучается на разном теоретическом фундаменте порой принципиально разными приемами и методами с привлечением разнообразного эмпирического материала, анализируется с разных позиций. Строгое внутреннее ограничение, явно сознательно накладываемое автором на себя при структурировании проблемного поля, понятно и во многом объясняется жанром публикации – учебное пособие, адресуемое начинающим исследователям-гуманитариям, которые еще не умеют свободно

обращаться с крупными и сложно организованными комплексами научных сведений и которые откровенно нуждаются в направляющей их деятельность руке опытного наставника. Нельзя не заметить с особым удовлетворением, что с этими задачами автор рецензируемого издания, Любовь Александровна Козлова, справилась в полной мере.

Вместе с тем предметно обсуждать тезисы концепции, с которыми хотелось бы подискутировать, не позволяют жанровые рамки рецензии, с одной стороны, и научные традиции – с другой, поскольку тогда пришлось бы отказываться от основополагающих для рецензируемой концепции положений, т. е. анализировать концепцию не по предложенным автором принципам, а по принципу «а мое видение проблематики иное».

Еще одним очевидным достоинством рецензируемого издания следует признать то, что манера обсуждения крайне актуального проблемного поля побуждает читателей к размышлениям, к постановке новых вопросов, к выявлению нового ракурса исследования того, как используются разнородные и разноразличные языковые единицы в качестве средства и способа решения той или иной коммуникативной и когнитивной задачи. Книга побуждает к повторному анализу собственных воззрений, а также к поиску новой системы аргументов в поддержку того или иного тезиса либо в опровержение новейших или же общепризнанных постулатов, т. е. в конечном счете к критическому осмыслению всего комплекса лингвистически значимых вопросов.

*Воронежский государственный университет
Гришаева Л. И., доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии
E-mail: grishaewa@rgph.vsu.ru*

*Поступила в редакцию 12 января 2023 г.
Принята к публикации 26 сентября 2023 г.*

Для цитирования:

Гришаева Л. И. Новая версия теории языковой личности (Рец. на кн.: Козлова Л. А. Сопоставительная прагматика : речевые акты в этнокультурном ракурсе : учебное пособие. Барнаул : АлтГПУ, 2021. 176 с.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 143–148. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/4/143-148>

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 263 с.
2. Гришаева Л. И. Диалоги о межкультурной коммуникации. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. 677 с.
3. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2003. 369 с.
4. Философский энциклопедический словарь. М. : ИНФРА-М, 2002. 576 с.
5. Большой толковый психологический словарь / Ребер Артур. М. : АСТ ; Вече, 2001. Т. 1 (А–О). 592 с. ; Т. 2 (П–Я). 560 с.
6. Стратегии успеха и факторы риска в межкультурной коммуникации / общ. ред. Л. И. Гришаевой, Л. В. Цуриковой. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2005. 391 с.

REFERENCES

1. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i russkaja jazykovaja ličnost'. Moskva: Nauka, 1987. 263 p.
2. Grishaeva L. I. Dialogi o mezhkulturnoj kommunikacii. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 2022. 677 p.
3. Grishaeva L. I., Tsurikova L. V. Vvedeniye v teoriju mezhkulturnoj kommunikacii. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2003. 369 p.
4. Filosovskij enciklopedičeskij slovar'. Moskva: INFRA-M, 2002. 576 p.
5. Bolshoj tolkovyj psihologičeskij slovar'. Reberm Artur. M.: AST; Veče, 2001. Tom 1 (A–O). 592 p.; Tom 2 (P–Y) 560 p.
6. Strategii uspeha i factory riska v mezhkulturnoj kommunikacii. Obsh. red. L. I. Grishaeva, L. V. Tsurikova. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2005. 391 p.

*Voronezh State University
Grishaeva L. I., Doctor of Philology, Professor of the German Philology Department
E-mail: grishaewa@rgph.vsu.ru*

*Received: 12 January 2023
Accepted: 26 September 2023*

For citation:

Grishaeva L. I. New version of the theory of linguistic persona (Review of Kozlova L. A. Comparative pragmatics : speech acts in terms of ethnic culture : textbook. Barnaul : AltSPU, 2021. 176 p.). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication.* 2023. No. 4. Pp. 143–148. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/4/143-148>